

Алина Николаевна Палагина

*магистр филол. наук, аспирант 3-го года обучения
каф. теоретического и славянского языкознания
Белорусского государственного университета*

Alina Palahina

*Master of Philology Sciences, 3-rd Year Postgraduate Student
of the Department of Theoretical and Slavonic Linguistics
of Belarusian State University
e-mail: alinapalagina2000@gmail.com*

ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ: СПЕЦИФИКА ФЕНОМЕНА И ВЛИЯНИЕ НА СОЦИУМ

Интолерантность в интернет-дискурсе исследуется в контексте изучения вербализации враждебности по отношению к социальной группе, выделяемой на основе приобретенного признака высокого материального достатка. Цель исследования – охарактеризовать интолерантность как потенциальную прагматическую характеристику интернет-дискурса и специфику ее влияния на социум. Фактический материал представлен поликодовыми текстами 2022–2024 гг. на английском, немецком, польском и русском языках, объективизирующими концепт «богатство». Результаты исследования демонстрируют, что интолерантность представляет собой культурно-социальный феномен, характеризующийся высокой степенью опасности и обусловленный лингвоинформационным форматом интернет-дискурса. Изучение механизмов функционирования, регулирование и ограничение языка вражды необходимы для безопасности общества, а также ментального и физического благополучия представителей различных социальных групп.

Ключевые слова: *интолерантность, интернет-дискурс, интолерантный дискурс, язык вражды, концепт, богатство.*

Intolerance in Internet Discourse: the Phenomenon Specifics and Influence on the Society

This article examines intolerance within internet discourse, exploring the verbalization of hostility toward a social group defined by the acquired characteristic of high material wealth. The aim of this study is to characterize intolerance as a potential pragmatic feature of internet discourse and the specifics of its impact on the society. The factual material is presented by polycode texts in English, German, Polish, and Russian representing the concept of «wealth». The results demonstrate that intolerance is a cultural and social phenomenon characterized by a high degree of danger and conditioned by the linguistic and informational format of internet discourse. Studying the mechanisms of functioning, regulation, and limitation of hate speech is essential for the safety of society, as well as the mental and physical well-being of representatives of various social groups.

Key words: *intolerance, internet discourse, intolerant discourse, hate speech, concept, wealth.*

Введение

В современных реалиях интернет-дискурс стал неотъемлемой частью жизни общества, обеспечивая обмен информацией без существенных временных затрат. Компьютерно-опосредованная коммуникация обладает феноменологическими особенностями, которые являются причиной широкого распространения языка вражды в рамках интернет-пространства.

Научный руководитель – Александр Аркадьевич Баркович, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета

В исследовании язык вражды рассматривается как «совокупность языковых средств, выражающих негативное, основанное на стереотипах или предубеждениях отношение к адресату – носителю ценностей, отличных от ценностей адресанта, и, как следствие, вербализующих тот или иной вид дискриминации или нетерпимости» [1, с. 90]. Язык вражды является обязательным вербальным компонентом интолерантного дискурса, под которым в работе понимается «тип дискурса власти, репрезентирующий межгрупповой конфликт ценностей и основанный на враждебности как отражении социальных стереотипов в сознании его субъектов» [2, с. 83].

Цель настоящего исследования – охарактеризовать интолерантность как потенциальную прагматическую характеристику интернет-дискурса и специфику ее влияния на социум. Детальное рассмотрение специфики интолерантного интернет-дискурса также имеет значение для изучения поликодовой репрезентации концепта «богатство» в контексте дискредитации социальных групп.

Данное исследование характеризуется высокой степенью актуальности в связи с повсеместным распространением компьютерно-опосредованной коммуникации, процессами глобализации и цифровизации в современном мире, высокой социальной опасностью интолерантности, важностью раскрытия различий репрезентации концепта «богатство» в концептосферах английского, немецкого, польского и русского языков в контексте вербализации враждебности по отношению к социальной группе. Репрезентация данного концепта на основе материала, созданного в рамках интернет-дискурса, недостаточно освещена в современной лингвистике и вследствие этого представляет научный интерес.

Объект исследования – интолерантность в контексте функционирования интернет-дискурса.

Предмет исследования – специфика влияния интолерантности на социум в контексте дискредитации социальных групп, выделяемых по врожденным либо приобретенным признакам.

В качестве эмпирической базы исследования выступают поликодовые тексты на английском, немецком, польском и русском языках, опубликованные на видеохостинге YouTube в 2022–2024 гг. и объективизирующие концепт «богатство». Фактический материал отобран с помощью приема сплошной выборки по наличию концептуальных лексем *богатый* и *богатство* в заголовке текста. Концептуальные лексемы, послужившие для отбора поликодовых текстов, были зафиксированы в словарях синонимов и проверены на предмет частоты употребления в национальных корпусах соответствующих языков. Корпусные данные позволили установить наиболее востребованные лексемы, необходимые в исследовании семантики среди носителей определенного языка. В результате отбора поли-

кодовых текстов был создан исследовательский корпус с источниками фактического материала объемом 5 705 единиц (<https://w3.bsu.by/index.php/catalog/6>). Примеры интолерантных высказываний в статье представлены в соответствии с авторской орфографией и пунктуацией (в скобках указан порядковый номер поликодового текста в этом корпусе, состоящий из указания на язык («А» – английский язык, «Н» – немецкий язык, «П» – польский язык, «Р» – русский язык), год публикации и порядковый номер в корпусе). Дальнейшая работа была связана с количественным и прагмакоммуникативным анализом вербального компонента поликодовых текстов.

Данная статья представляет промежуточные результаты исследования, раскрывающие влияние интолерантности на представителей дискурсивных сообществ.

Основная часть

Изучение языка вражды наиболее активно проводилось в течение нескольких последних десятилетий, а резкий рост научного интереса к данному феномену фиксируется с 2010 г. [3, с. 175]. Язык вражды как предмет научных изысканий привлекает внимание специалистов из самых разных научных сфер: политологии, юриспруденции, лингвистики, лингвоконфликтологии, психологии и др., что объясняется сложностью и многогранностью коммуникации в рамках интолерантного дискурса. При этом наибольшее количество публикаций, затрагивающих проблематику языка вражды, сделаны в рамках социальных, компьютерных, гуманитарных наук и психологии [3, с. 161]. Глобальность феномена языка вражды и степень представляемой им угрозы демонстрирует тот факт, что институциональная принадлежность исследователей, занимающихся данной проблематикой, охватывает научные учреждения по всему миру.

Язык вражды представляет собой серьезную проблему современного социума. Так, по мнению Е. Н. Василенко, «несмотря на мультикультурализм современного общества и все большее распространение идей равенства и толерантности, в данный момент сложно говорить об уменьшении количества негативных высказываний по отношению к представителям разных социальных групп в повседневном общении,

особенно в случаях столкновений ценностных ориентаций субъектов коммуникации» [2, с. 3]. Основными интенциями коммуникантов, демонстрирующих интолерантность, могут быть «повышение/поддержание собственной самооценки, позиционирование себя как эксперта/советчика, нарциссизм, нереализованная в повседневной жизни потребность в психологической разрядке, проживание иллюзии власти над объектом хейта как нарушителем каких-то правил/норм/требований / собственных установок, проживание собственной зависти и преуменьшение оснований для нее, избавление от ощущения собственной незащищенности, поиск сравнений в собственную пользу с целью устранения/снижения неудовлетворенности собой), – как отмечает Л. Н. Ребрина с опорой на работы Л. Фетингера и П. Ратледжа [4, с. 152]. А. М. Олешкова утверждает, что враждебность стимулируется фактором идеологии и борьбы за властный ресурс, и потому предлагает считать любой дискурс, развертывающийся вокруг актуальных событий, квазиполитическим [5, с. 83–84].

Как отмечает А. А. Баркович, что «для всей сферы компьютерно-опосредованной коммуникации несомненной доминантой будет являться соответствие/несоответствие дискурсивной практики социальным, культурным, правовым и иным нормам коммуникации» [6, с. 100]. Несоответствие поведения либо самого существования уязвимой группы будет противоречить ценностям адресанта и провоцировать его вербализовать свою дискредитационную интенцию. Если подобное несоответствие противоречит социальным нормам либо ценностям достаточно большей части социума, вербализация враждебности по отношению к социальной группе имеет более глобальный эффект и склонна увеличиваться в масштабах. Стереотипное мышление, которое является основой враждебности к другим социальным группам, способствует тому, что большое внутреннее разнообразие аутгруппы передается забвению, а последующие поколения принимают данный факт без должной рефлексии и анализа; в среде интолерантности это ведет к инфрагуманизации (эффект, при котором представителям аутгруппы приписывается меньше человечности или не приписывается вовсе)

и дегуманизации (нравственное обособление и лишение легитимности аутгруппы) [7, с. 113]. М. А. Фадеичева отмечает, что «враждебное отношение к чужим и дружеское отношение к своим, выраженное в языке, служило и продолжает служить ориентиром общественных отношений» [8, с. 21].

Следует отметить, что «использование “языка вражды” не только способствует дискриминации и насилию, но и само по себе равносильно нападению для представителей угнетаемых социальных групп и влечет за собой психологические и даже физические последствия» [2, с. 83]. Также возможны «различные хронические аффективные расстройства настроения, невротические расстройства, связанные со стрессом», побуждение людей к расправам и массовому уничтожению [9, с. 12]. А поскольку язык вражды способствует утрате аутгруппы и посредством этого страха дестабилизирует общество, лишая его элементарных основ безопасности, данный феномен необходимо санкционировать в соответствии с социальными нормами [10, с. 23].

Вербализация враждебности «может быть формой проявления того или иного вида дискриминации или нетерпимости» [2, с. 3], противоречить правовым, культурным либо социальным нормам и, как следствие, подвергаться социальному неодобрению либо преследоваться по закону, в зависимости от законодательства конкретного государства.

Ученые подчеркивают, что предотвращение оскорблений на онлайн-платформах требует целостного подхода, включающего правительственные законы, ответственность в политике и практике платформ, а также личную ответственность [11, с. 79]. Как отмечают М. Копытовска и А. Ставиковска-Мартинковска, образ презентации информации в СМИ имеет большое влияние на установки и поведение реципиентов данной информации, особенно во времена общественных преобразований и вселения неуверенности [7, с. 130]. Тенденция к оценочности журналистских текстов и антидиалогичность изданий не способствует снижению социальной напряженности и распространению идей мультикультурализма и толерантности в массах [9, с. 8–14]. Агрессия в СМИ деформирует

ценностные ориентиры и способствует развитию нигилистических установок и моделей девиантного поведения в социуме [12, с. 74]. В результате сама идея уважительного отношения к другим людям, вне зависимости от их мировоззрения и принадлежности к той или иной социальной группе, теряет актуальность и важность при не критичном восприятии интолерантных текстов.

Дискредитации могут подвергаться представители различных социальных групп, выделяемых на основе врожденных либо (реже) приобретенных признаков. Однако «естественность» определенных категорий никогда не является результатом исключительно биологических черт [13, с. 127].

Наиболее частыми социальными группами, получающими негативную маркировку в текстах СМИ, являются:

- 1) представители власти;
- 2) представители различных народов и этносов;
- 3) «богатые» и «олигархи»;
- 4) мигранты и приезжие;
- 5) представители неправославных конфессий;
- 6) представители некоторых социальных групп (бомжи, алкоголики, ВИЧ-инфицированные, представители ЛГБТ-сообщества);
- 7) молодежь и подростки;
- 8) такой универсальный «чужой», как Запад [14, с. 41].

Для данного исследования имеет значение то, что вербализация враждебности, обусловленной материальным достатком, имеет место в русскоязычном дискурсивном сообществе.

Широкомасштабная вербализация враждебности к социальной группе в интернет-дискурсе может быть детерминирована экстралингвистическими факторами: законодательством, традициями, вероисповеданием, социальными и культурными нормами представителей дискурсивного сообщества, а также особенностями компьютерно-опосредованной коммуникации. Общение в интернет-дискурсе приобретает характеристики дистанционности, асинхронности, вариативности ответа и возможности уклониться от него, а кроме того, (мнимой) анонимности. Данные факторы способствуют формированию у коммуникантов чувства

мнимой свободы и вседозволенности. Так, А. А. Баркович утверждает, что ускоренный ритм и образ «жизни» виртуальной личности, а также способность изменять параметры презентации виртуальной личности «создают особую атмосферу иллюзорной свободы» [15, с. 277–278]. Как следствие, многие участники дискурсивного сообщества склонны нарушать нормы этикета, пренебрежительно относиться к другим коммуникантам и допускать в своей речи реализацию дискредитационных речевых тактик. Низкое качество языка и отсутствие вежливости могут иметь серьезные последствия, в т. ч. формирование негативных паттернов обыденного взаимодействия, повышение степени жестокости социального поведения и распространение ксенофобного отношения к меньшинствам [16, с. 187–188].

Д. Хуг подтверждает: крупномасштабные социальные сети вывели вербализацию враждебности на новый уровень и в данный момент рассматриваются исследователями как пространство с повышенным уровнем интолерантных высказываний [17, с. 328].

Установлено, что в рамках интернет-дискурса наблюдается повышенная степень враждебности к социальной группе богатых людей. Прагмакоммуникативный анализ фактического материала, опирающийся на методику исследования коммуникативных стратегий и речевых тактик интолерантного дискурса Е. Н. Василенко, позволил установить, что наиболее продуктивными речевыми тактиками интолерантного дискурса, обусловленного семантикой концепта «богатство», являются тактики оскорбления, обвинения, вынужденной интолерантности, приведения себя в пример, смещения акцентов [18; 19]. Примеры реализации тактики оскорбления: 1) *You stop becoming a rat when you start improving society and helping out others* [A-23-616]; 2) *Der kritische Punkt ist: Das Exponential-System des Zinseszins-Effektes. Führt zu überbordendem, abartigen Reichtum für nur Wenige...* [H-24-669]; 3) *klamca manipulator i podły człowiek jego geniusz do biznesu jest taki że sześć razy bankrutował...* [П-24-1573]; 4) *Богатые без Бога – это богатые люди* [P-23-571]. Данная тактика предполагает сообщение уничижительной информации о социальной группе или ее представителях без приведения доказательств данной точки зрения.

Тактика обвинения, предполагающая негативную оценку социальной группы и подкрепление данного мнения определенными аргументами, также находит актуализацию в многочисленных высказываниях: 1) *So, the 2% my cc company gives me is actually 'stolen' from poor hard workers of America? Who would've thunk it!* [A-23-626]; 2) *Steuern sollen dem Wortlaut nach auch steuern und Geld wird nicht per se erarbeitet bzw. gerecht verteilt. Ein Milliardär hat diese Milliarde nicht verdient, kein Mensch ist so viel produktiver, dass solche Summen zustande kommen* [H-24-729]; 3) *CHWALIL SIE ze nie zaplacil ani centa podatku i taki ktoś jest prezydent* [П-24-1574]; 4) *Честно работать и получать пять рублей никогда не разбогатеешь, даже если ты вылезешь из собственной шкуры, сказки для очень недалеких, какая карьера, какая лестница, богатым можно стать, если ты получил наследство или наворовал честных путей тут нет!!!!* [P-23-607]. Элементы тактики вынужденной интолерантности, вербализующей возможность толерантного отношения к группе, если бы не наличие каких-либо фактов, которые вынуждают адресанта принять интолерантную позицию, отмечены в высказываниях: 1) *The building wealth lot always appear to be restless, discontent and striving to measure up to a shallow ideal of success* [A-23-626]; 2) *Wenn man von Superreichtum spricht, soll man zunächst das freie, persönlich zur Verfügung stehende Kapital, also persönliche Geldvermögen betrachten, nicht das investierte Produktivkapital, das Arbeitsplätze schafft und Steuern hervorbringt. Dieses freie Geldvermögen ist es, was die eigentliche Schiefelage verursacht!* [H-24-670]; 3) *Inne wyobrazenie mialem o zyciu najbogatszych ludzi swiata. Przy takich pieniqdzach glównie hobby to żarcie i wpatrywanie się w ekran?* [П-24-1528]; 4) *Очень точно сказал. Я ещё давно на покупку Лексуса отреагировал однозначно – от нищеты купил!! Для понтов, для самоутверждения. Самоутверждаться надо талантами и делами своими, а не вещами* [P-24-1607]. Данные тактики относятся к стратегии дискредитации.

Тактика приведения себя в пример, способствующая актуализации стратегии положительной самопрезентации, является высокочастотной в рамках интолерантного дискурса: говорящие склонны выражать

именно свое мнение, основанное на мировоззрении и индивидуальном опыте: 1) *By hoarding wealth, puts less in circulation, creating poor people suffering! If that's what you call responsible!! Then I am happy not being responsible* [A-22-149]; 2) *Ich brauche nicht mehr Geld als Famielie und Freunde weil Famielie, Freunde kan man dich nich kaufen* [H-23-501]; 3) *mam znajomych, jeden: nowy ford mustang, dom, basen (kopany) drugi BMW 5 nowy, basen (kopany) dom, wszystko wisi w banku (zapierd...ją od rana do wieczora ale kozakują)... A i tak najlepsi są ci co zarabiając 3500zł i mają ajfony po 5 tysięcy hahaha...* [П-22-93]; 4) *Я 9 и никогда не было мысли что то у кого то отжать всю жизнь работаю и знаю точно, что халявы нет. Все своим трудом, чужого не надо* [P-24-1614].

При реализации тактики смещения акцентов, относящейся к стратегии манипулирования, коммуниканты стремятся сместить фокус внимания собеседника на иную тему с целью отвлечь от обсуждения проблемы дискредитации социальной группы: 1) *seems building a school is easier than maintaning the school. i wanna know how is that school doing today. Too many bad stories of wells, schools or hospitals being built in needed countires only to get abandoned years later due to lack of maintenance and staff willing* [A-22-85]; 2) *Geld verdoppeln war gestern. Heute gilt Empathie verdoppeln* [H-22-91]; 3) *Zachowanie skromnego stylu bycia, jeszcze nikomu nie zaszkodziło* [П-24-1397]; 4) *Про мамы на площадках и мусорэто в самое сердце мозгу спокойно ходить на площадки детские с ребенком – там матерятся так, хуже зеков, и мусора столько, что хочется магазины всё позакрывать но я понимаю что родители не научили!!!* [P-23-571].

Не отличаются высокой частотностью реализации такие речевые тактики интолерантного дискурса, обусловленного семантикой концепта «богатство», как тактики легитимации интолерантности, побуждения к интолерантности, преуменьшения, отрицания, причисления себя к положительно воспринимаемой группе, мнимого отрицания, мнимого согласия, мнимой уступки, искажения информации. При вербализации враждебности по отношению к социальной группе богатых людей основной стратегией

является стратегия дискредитации, а реализация стратегий положительной самопрезентации и манипулирования носит эпизодический характер; наиболее частотными речевыми тактиками, относящимися к ним, являются тактика приведения себя в пример (в рамках стратегии самопрезентации) и тактики смещения акцентов или апелляции к авторитету (в рамках стратегии манипулирования). Группа тактик стратегии дискредитации, реализующая интенции побуждения к интолерантности и закрепления интолерантности, сравнительно мало используется в отношении исследуемой группы, выделенной на основе приобретенного признака материального достатка.

Номенклатура речевых средств реализации стратегий и тактик интолерантного дискурса национально детерминирована, однако универсальными маркерами вербализации враждебности являются использование лексики с пейоративным значением, лексики с негативной коннотацией, противопоставление местоимений и глагольных форм разного лица с целью поляризации, использование сложных предложений с определенными типами придаточных частей, иронии и сарказма, аллюзий, отсылки на имя авторитета. Наиболее частотные речевые средства детерминированы номенклатурой тех речевых тактик, которые отличаются частотностью в рамках того или иного дискурсивного сообщества, а также среднестатистическим отношением коммуникантов к исследуемой социальной группе либо ее отдельным представителям. Больше степенью вежливости коммуникации и, как результат, меньшей интенсивностью языка вражды характеризуется взаимодействие в англо- и немецкоязычном дискурсивных сообществах.

Анализ интолерантности осложняется энантиосемией концепта «богатство» в концептосферах исследуемых языков. Так, «богатство» может трактоваться как нечто материальное или нематериальное, предполагать большую или меньшую связь с необходимым уровнем нравственности. Различные семантические группы материалов-стимулов в разной степени способны вызвать негативное отношение адресатов к социальной группе. Среда интернет-дискурса располагает к выражению мнений, что неизбежно приводит к конфликту цен-

ностей и в определенных случаях к вербализации интолерантности, что позволяет трактовать интолерантность как потенциальную характеристику интернет-дискурса, особенно персональных жанров дискурса.

Заключение

Интолерантные высказывания более часто встречаются в рамках компьютерно-опосредованной коммуникации, что позволяет трактовать интолерантность как потенциальную прагматическую характеристику интернет-дискурса, обусловленную конфликтом ценностей коммуникантов. Данный феномен обусловлен экстралингвистическими факторами: относительно положительное отношение к интолерантности, эксплицитная и имплицитная трансляция нетерпимости в СМИ, фольклоре, семейной традиции, стремление к нетипичному поведению и безответственность участников общения. Специфика лингвоинформационного формата интернет-дискурса, проявляющаяся в гипертекстуальности, симулякрности, электронном типе канала коммуникации, ведет к трансформации и возникновению жанров интернет-дискурса, восприятию менее нормированной речи как стандарта общения и потенциальной дискредитации социальных групп. Особое влияние на распространение интолерантности имеют такие характеристики интернет-дискурса, как удаленность от собеседника, мнимая безопасность и анонимность, асинхронность общения, отсутствие либо недостаточное качество ручной или автоматической модерации контента, а также отсутствие наказания за дискриминацию коммуниканта по причине его принадлежности к той или иной социальной группе. Вербализация интолерантности национально детерминирована, зависит от критерия, на основе которого дифференцируются доминирующая и уязвимая социальные группы, и чаще всего осуществляется с гласного или мнимого согласия социума. Тенденции коммуникантов следовать принципам вежливого вербального взаимодействия в разных дискурсивных сообществах определяют специфику прагмакоммуникативной организации интолерантного дискурса, в том числе номенклатуру речевых средств реализации речевых тактик. Осознание недопустимости интолерантности,

регулирование данного феномена и контроль за исполнением регламента веб-

страниц является необходимым для безопасности в информационной среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Василенко, Е. Н. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах / Е. Н. Василенко // Труды БГТУ. Серия 4, Принт- и медиатехнологии. – 2021. – № 2 (244). – С. 90–97. – URL: <https://elib.belstu.by/handle/123456789/43490> (дата обращения: 06.08.2024).

2. Василенко, Е. Н. Конфликт ценностей в интернет-коммуникации: когнитивный и прагматический аспекты / Е. Н. Василенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2022. – 236 с.

3. Thirty years of research into hate speech: topics of interest and their evolution / A. Tontodimamma [et al.] // *Scientometrics*. – 2021. – Vol. 126. – P. 157–179. – URL: <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03737-6> (date of access: 31.07.2024).

4. Ребрина, Л. Н. Хейт-шоу: реализация хейта как коммуникативного феномена / Л. Н. Ребрина // Вестник Волгоградского университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 151–163. – URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.1.13> (дата обращения: 31.07.2024).

5. Олешкова, А. М. «Язык вражды» в контексте социолингвистики / А. М. Олешкова // Актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания: социальные трансформации и историческая память культуры : материалы XI Всерос. науч.-практ. конф., Нижний Тагил, 22 нояб. 2019 г. – Нижний Тагил : Нижнетагил. гос. соц.-пед. ин-т (филиал) РГПУ, 2019. – С. 83–88. – URL: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/32485> (дата обращения: 15.08.2024).

6. Баркович, А. А. Функциональность компьютерно-опосредованного дискурса: институциональный аспект / А. А. Баркович // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – 2016. – № 1 (51). – С. 97–105.

7. Kopytowska, M. «Der Fremde». Flüchtlingskrise und Hassrede in der Online-Version / M. Kopytowska, A. Stawikowska-Marcinkowska // *Hassrede – ein multidimensionales Phänomen im interdisziplinären Vergleich*. – Łódź : WUŁ, 2020. – S. 111–134. – URL: <http://dx.doi.org/10.18778/8142-633-6.07> (date of access: 02.08.2024).

8. Фадеичева, М. А. Экзистенциальные основания языка вражды / М. А. Фадеичева // *Дискурс-Пи*. – 2015. – Т. 12, вып. 1 (18). – С. 20–24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnye-osnovaniya-yazyka-vrazhdy> (дата обращения: 01.09.2024).

9. Дзялошинский, И. М. Между агрессией и толерантностью – исторический выбор российских СМИ / И. М. Дзялошинский // Бесплатная электронная библиотека. – 2018. – С. 1–34. – URL: <https://dzyalosh.ru/06-Tolerance/Mejdu-Agressiei-i-Tolerantnostuy.pdf> (дата обращения: 14.08.2024).

10. Boromisza-Habashi, D. Speaking hatefully: Culture, communication, and political action in Hungary / D. Boromisza-Habashi. – Penn State Press, «Rhetoric & Democratic Deliberation» series. – Pennsylvania, 2013. – 148 p. – URL: https://www.academia.edu/2237264/Speaking_hatefully_Culture_communication_and_political_action_in_Hungary_Penn_State_Press_Rhetoric_and_Democratic_Deliberation_series_book_2013 (date of access: 15.08.2024).

11. Mulenga, S. C. Detecting Hate speech and Offensive language using Machine learning in published online content / S. C. Mulenga, C. M. Sinyangwe, D. Kunda, W. A. Phiri // *Zambia ICT Journal*. – 2023. – Vol. 7, iss. 1. – P. 79–84. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/369659186> (date of access: 27.07.2024).

12. Глушкова, И. В. «Язык вражды» как один из факторов агрессивности СМИ / И. В. Глушкова // *Медиакоммуникации в современном мире = Media communication in the modern world* : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Мурманск, 23–25 дек. 2015 г. – Мурманск : МАГУ, 2016. – С. 74–78.

13. Nijakowski, L. Mowa nienawiści w świetle teorii dyskursu / L. Nijakowski // *Analiza dyskursu w socjologii i dla socjologii* / red. A. Horolets. – Toruń, 2008. – S. 113–133.

14. Дзялошинский, И. М. Медийные стратегии вражды: языковые и образные средства / И. М. Дзялошинский // *PR и СМИ в Казахстане* : сб. науч. тр. – Алматы : Казак университети,

2015. – Вып. 10. – С. 40–48. – URL: <https://dzyalosh.ru/06-Tolerance/DIM.pdf> (дата обращения: 10.08.2024).

15. Баркович, А. А. Феноменологическая характеристика коммуникационной личности компьютерно-опосредованного дискурса / А. А. Баркович // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 276–280.

16. Woźniak, J. Od braku grzeczności do mowy nienawiści. Jak niska jakość języka degraduje kulturę / J. Woźniak, M. Kopytowska // Dyskursy o kulturze. – 2015. – Vol. 4. – P. 187–201. – URL: <http://dyskursy.san.edu.pl/docs/dyskursy4.pdf#page=187> (date of access: 06.08.2024).

17. Hug, D. Hassrede im Kontext einer Gewährleistung von Meinungsfreiheit / D. Hug. – ZJS. – 2022. – № 3. – S. 327–337. – URL: https://www.zjs-online.com/dat/artikel/2022_3_1624.pdf (date of access: 15.08.2024).

18. Палагина, А. Н. Концепт «богатство» в интолерантном интернет-дискурсе: прагмакоммуникативный аспект (на материале русского языка) / А. Н. Палагина // Труды БГТУ. Серия 4, Принт- и медиатехнологии. – 2025. – № 2 (297). – С. 128–139. – DOI: 10.52065/2520-6729-2025-297-16.

19. Палагина, А. Н. Прагмакоммуникативная специфика интолерантного интернет-дискурса, обусловленного семантикой богатства (на материале немецкого языка) / А. Н. Палагина // Журнал БГУ. Филология. – 2026. – № 1. – С. 42–54.

REFERENCES

1. Vasilenko, Ye. N. «Yazyk vrazhdy» kak forma proyavleniya konfliktov, osnovannykh na stereotipakh / Ye. N. Vasilenko // Trudy BGTU. Seryaya 4, Print- i mediatekhnologii. – 2021. – № 2 (244). – S. 90–97. – URL: <https://elib.belstu.by/handle/123456789/43490> (data obrashcheniya: 06.08.2024).

2. Vasilenko, Ye. N. Konflikt tsennostei v internet-kommunikatsii: kognitivnyi i pragmalingvisticheskii aspekty / Ye. N. Vasilenko. – Mogilev : MGU im. A. A. Kuleshova, 2022. – 236 s.

3. Thirty years of research into hate speech: topics of interest and their evolution / A. Tontodimamma [et al.] // Scientometrics. – 2021. – Vol. 126. – P. 157–179. – URL: <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03737-6> (date of access: 31.07.2024).

4. Rebrina, L. N. Kheit-shou: realizatsiya kheita kak kommunikativnogo fenomena / L. N. Rebrina // Vestnik Volgogradskogo universiteta. – Seryya 2, Yazykoznanie. – 2022. – T. 21, № 1. – S. 151–163. – URL: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.1.13> (data obrashcheniya: 31.07.2024).

5. Oleshkova, A. M. «Yazyk vrazhdy» v kontekste sotsiolingvistiki / A. M. Oleshkova // Aktual'nye problemy sovremennogo sotsial'no-gumanitarnogo znaniya: sotsial'nye transformatsii i istoricheskaya pamyat' kul'tury : materialy XI Vseros. nauch.-prakt. konf., Nizhnii Tagil, 22 noyab. 2019 g. – Nizhnii Tagil : Nizhnetagil. gos. sots.-ped. in-t (filial) RGPPU, 2019. – S. 83–88. – URL: <https://elar.rsvpu.ru/handle/123456789/32485> (data obrashcheniya: 15.08.2024).

6. Barkovich, A. A. Funktsional'nost' komp'yuterno-oposredovannogo diskursa: institutsional'nyi aspekt / A. A. Barkovich // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova. – 2016. – № 1 (51). – S. 97–105.

7. Kopytowska, M. «Der Fremde». Flüchtlingskrise und Hassrede in der Online-Version / M. Kopytowska, A. Stawikowska-Marcinkowska // Hassrede – ein multidimensionales Phänomen im interdisziplinären Vergleich. – Łódź : WUŁ, 2020. – S. 111–134. – URL: <http://dx.doi.org/10.18778/8142-633-6.07> (date of access: 02.08.2024).

8. Fadeicheva, M. A. Ekzistentsial'nye osnovaniya yazyka vrazhdy / M. A. Fadeicheva // Diskurs-Pi. – 2015. – T. 12, vyp. 1 (18). – S. 20–24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnye-osnovaniya-yazyka-vrazhdy> (data obrashcheniya: 01.09.2024).

9. Dzyaloshinskii, I. M. Mezhdue agressiei i tolerantnost'yu – istoricheskii vybor rossiiskikh SMI / I. M. Dzyaloshinskii // Besplatnaya elektronnyaya biblioteka. – 2018. – S. 1–34. – URL: <https://dzyalosh.ru/06-Tolerance/Mejdu-Agressiei-i-Tolerantnostuy.pdf> (data obrashcheniya 14.08.2024).

10. Boromisza-Habashi, D. Speaking hatefully: Culture, communication, and political action in Hungary / D. Boromisza-Habashi. – Penn State Press, «Rhetoric & Democratic Deliberation» series. – Pennsylvania, 2013. – 148 p. – URL: https://www.academia.edu/2237264/Speaking_-

hatefully_Culture_communication_and_political_action_in_Hungary_Penn_State_Press_Rhetoric_-and_Democratic_Deliberation_series_book_2013 (date of access: 15.08.2024).

11. Mulenga, S. C. Detecting Hate speech and Offensive language using Machine learning in published online content / S. C. Mulenga, C. M. Sinyangwe, D. Kunda, W. A. Phiri // *Zambia ICT Journal*. – 2023. – Vol. 7, iss. 1. – P. 79–84. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/369659186> (date of access: 27.07.2024).

12. Glushkova, I. V. «Yazyk vrazhdy» kak odin iz faktorov agressivnosti SMI / I. V. Glushkova // *Mediakommunikatsii v sovremennom mire = Media communication in the modern world : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., 23–25 dek. 2015 g. – Murmansk : MAGU, 2016. – S. 74–78.*

13. Nijakowski, L. Mowa nienawiści w świetle teorii dyskursu // *Analiza dyskursu w socjologii i dla socjologii / L. Nijakowski / red. A. Horolets. – Toruń, 2008. – S. 113–133.*

14. Dzyaloshinskii, I. M. Mediinye strategii vrazhdy: yazykovye i obraznye sredstva / I. M. Dzyaloshinskii // *PR i SMI v Kazakhstane : sb. nauch. tr. – Almaty : Kazak universiteti, 2015. – Vyp. 10. – S. 40–48. – URL: <https://dzyalosh.ru/06-Tolerance/DIM.pdf> (data obrashcheniya: 10.08.2024).*

15. Barkovich, A. A. Fenomenologicheskaya kharakteristika kommunikatsionnoi lichnosti komp'yuterno-oposredovannogo diskursa / A. A. Barkovich // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015 (2). – S. 276–280.*

16. Woźniak, J. Od braku grzeczności do mowy nienawiści. Jak niska jakość języka degraduje kulturę / J. Woźniak, M. Kopytowska // *Dyskursy o kulturze. – 2015. – Vol. 4. – P. 187–201. – URL: <http://dyskursy.san.edu.pl/docs/dyskursy4.pdf#page=187> (date of access: 06.08.2024).*

17. Hug, D. Hassrede im Kontext einer Gewährleistung von Meinungsfreiheit / D. Hug. – *ZJS. – 2022. – № 3. – S. 327–337. – URL: https://www.zjs-online.com/dat/artikel/2022_3_1624.pdf (date of access: 15.08.2024).*

18. Palagina, A. N. Kontsept «bogatstvo» v intolerantnom internet-diskurse: pragmakommunikativnyi aspekt (na materiale russkogo yazyka) / A. N. Palagina // *Trudy BGTU. Seriya 4, Print-i mediatekhnologii. – 2025. – № 2 (297). – S. 128–139. – DOI: 10.52065/2520-6729-2025-297-16.*

19. Palagina, A. N. Pragmakommunikativnaya spetsifika intolerantnogo internet-diskursa, obuslovlennogo semantikoi bogatstva (na materiale nemetskogo yazyka) / A. N. Palagina // *Zhurnal BGU. Filologiya. – 2026. – № 1. – S. 42–54.*

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 09.04.2026